

был периодом существования Ванского царства, в состав которого входила и часть советского Закавказья. Поэтому нужно считать простым недоразумением утверждение автора, что и Киркиджанский клад и ряд других близких ему памятников следует относить к «эпохе развитой бронзы» (стр. 78, 80, 88). Его «эпоха развитой бронзы» — это эпоха перехода от бронзы к железу, эпоха оформления государства Урарту, т. е. начало I тысячелетия до н. э.

Исключительно интересным и новым памятником Закавказья является Степанакертский курган № 103, содержащий коллективное погребение. 48 костяков, обнаруженных в нем, имели различные ориентировку и положение. Мнение автора о разновременности захоронения в кургане требует большей четкости в формулировке и аргументации. Автор совершенно правильно считает этот курган относящимся к эпохе, предшествующей бытованию вещей из Киркиджанского клада. По абсолютной хронологии это будет II тысячелетие до н. э. На эту дату указывают погребальный ритуал и керамика, найденная в кургане.

Киркиджанский курган № 102, содержащий несколько ограбленных каменных ящиков, все же дал некоторый материал (главным образом, украшения), относимый автором к более поздней поре, нежели время захоронения клада. Этот материал также не стоит особняком среди местных древностей.

Ряд мелких замечаний, которые вызывает работа Я. И. Гуммеля, сводится к следующему:

1) Неясна нумерация исследуемых памятников: что, например, означает курган № 103? Если это общий порядковый номер всех исследованных им памятников в разных районах, то такая система, конечно, не может быть признана целесообразной.

2) Из текста не видно, какие из четырех могил в кургане № 102 являются основными и какие более поздними, впускными (стр. 80).

3) Почему «закрученную, наподобие веревочки, дугообразную проволоку с загнутыми в колечко, суженными концами» просто не назвать шейной гривной, чем этот предмет в действительности является (стр. 78).

4) Нет сведений о входе в могильную яму Степанакертского кургана № 103: выходит ли он на поверхность, или пол входа находится на одном уровне с полом могилы?

Рецензируемая статья Я. И. Гуммеля знакомит читателей с новыми памятниками Азербайджана и является весьма ценной информацией для историков-кавказоведов.

К статье приложены резюме на азербайджанском и армянском языках.

Е. Крупнов

А. М. ЗОЛОТАРЕВ, Родовой строй и религия ульчей. Дальгиз, Хабаровск, 1939, 203 стр., тираж 2000 экз., цена 5 р. 70 к.

Эта книга представляет собой ценный вклад в этнографическую литературу о народах советского Дальнего Востока. Небольшой народец, быту и верованиям которого она посвящена, — ульчи — принадлежит к числу наименее известных. Из прежних авторов, писавших о народах Амура, одни не умели отличить ульчей от их соседей, гиляков, которым они действительно близки по культуре (но не по языку); другие упоминали об ульчах — под именем мангунов — более или менее вскользь. А. М. Золотарев прав, указывая, что его книга — в сущности первое специальное исследование, посвященное этнографии ульчей.

Во введении автор дает краткий исторический очерк народов нижнего Амура, начиная с древнейших времен. На первый взгляд может показаться, что такая широкая историческая перспектива в качестве введения к изучению крошечного народца в 700—800 человек — излишня. Но это не так, ибо автор наглядно показывает, что в состав ульчей вошли этнические и культурные элементы самого разного происхождения

и что в культуре этого маленького народа прослеживаются наслоения всех исторических эпох, от самых архаических пережитков до новейших культурных влияний.

Вводный исторический очерк написан на основании широкого привлечения археологических и письменных источников и вполне удовлетворительно знакомит читателя с историей населения нижнего Амура. Отметим здесь только некоторые неточности. Говоря о территории Бохайского государства VII—X вв., автор считает, что она простиралась на северо-восток самое большое до Южно-Уссурийского края, и ссылается при этом на Гребенщикова и других исследователей (стр. 7—8). В действительности Гребенщиков, так же как и опиравшийся на него Матвеев (не упоминаемый автором), проводил границу Бохайского государства гораздо севернее, включая в него весь Уссурийский край до устья Усури. А этот вопрос, как правильно указывает сам А. М. Золотарев, важен для учета влияния высоких культур на население Амура в прошлом.

По вопросу о дючерах автор тоже допускает неточность, говоря, что «Спафарий определенно называет их манчжурами» (стр. 16). Ссылка на Спафария для доказательства тождества или связи дючеров с манчжурами по существу правильна, но не потому, что Спафарий называет дючеров манчжурами: напротив, Спафарий названия «манчжур» вообще не знает, но, говоря о манчжурах и о завоевании ими в 1644 г. Китая, он сообщает, что «именуются они джурджи, а от наших джучеры» (С п а ф а р и й, Описание первья части вселенныя, именуемой Азии, Казань, 1910, стр. 5). Этим сообщением, кстати, подтверждается также историческая связь манчжуров-дючеров с джурджениями XII в.

Наконец, не совсем точно выражение, что «уже в 50-х годах прошлого столетия китайцы отошли с низовьев Амура и Сахалина», как говорит А. М. Золотарев, ссылаясь на Шренка (стр. 22). Очищение китайцами низовьев Амура произошло раньше. Уже в 1844 г. Миддендорф, о сообщениях которого напрасно не упоминает автор, обнаружил, что никаких китайцев на нижнем Амуре нет. Это открытие и было одним из важных условий, ускоривших занятие Приамурья Россией в 1850-х годах.

За историческим очерком следует анализ родового состава ульчей. Эта небольшая глава—одна из самых интересных для этнографов. Автор показывает в ней, что ульчи—народ, образовавшийся из смешения родовых групп, выходящих из целого ряда соседних народов. В числе 25 ульчских родов есть, оказывается, роды, происходящие от ороков, манчжуров, тунгусов, гольдов, монголов, удэ, негидальцев, гыляков, айнов и орочей. Нет ни одного из соседних с ульчами племен, которое бы не внесло своей доли в формирование этой народности (стр. 26—27). Этнография знает немало народов, крупных и мелких, составившихся из смешения разных этнических элементов, но едва ли где найдется другой пример, где удалось бы так отчетливо, почти без остатка, по отдельным родам, разложить народность на составные части.

Очень интересно обстоятельное описание родового строя, господствовавшего у ульчей еще недавно (гл. 1), а также характеристика брачных норм и номенклатуры родства (гл. 2). Самое описание терминологии родства страдает, впрочем, некоторыми неясностями. Так например «гуси» («гусили») переводится второй «братья и сестры матери» и «братья отца матери» (стр. 63—64, 73, 190), но в другой связи автор пишет, что «гуси—это младшие братья матери и сыновья братьев матери» (стр. 105). Чему же верить? Термин «нэку» или «неу» означает (стр. 63) «всех лиц моего рода младше меня», в том числе младших сестер и братьев и «детей моих м л а д ш и х братьев». Почему только младших? По всему смыслу ульчской терминологии надо думать, что этим термином обозначаются в с е племянники-сородичи; во всяком случае другого термина для детей с т а р ш е г о брата автор не приводит. Далее говорится, что термином «гуси» обозначаются также «дети отца (?), младшие по возрасту, чем я» (стр. 63). Что это значит? Еще пример: в число значений термина «эдэкэ», относящегося к старшим мужским родственникам мужа или жены, автор включает и значение «отец матери» (стр. 64, 73, 195),—вероятно, по недоразумению, потому что отец матери обозначается термином «дама» (там же). Не совсем удачен перевод термина «тувэ»—«дети двух сестер» (стр. 64, 73), который, очевидно, надо понимать не «дети моих

двух сестер», а «дети сестры моей матери».—В этой неточности фиксации терминов нельзя, впрочем, особенно винить автора: в этнографической литературе вообще, к сожалению, еще недостаточно разработана методика записи терминологии родства, хотя все признают огромное значение этой категории этнографического материала.

Отдельные неточности хотя и затрудняют использование данного материала и его анализ, но не затемняют общей картины ульчской системы родства, которая по существу достаточно ясна. Эта система родства изложена и интерпретирована А. М. Золотаревым в основном правильно. Автор, очевидно, прав в своем утверждении, что брачные порядки ульчей ведут свое начало от древней «системы отношений между двумя экзогамными секциями, каждая из которых распадалась на ряд родов, связанных между собой попарно» (стр. 60). Ульчская система родства принадлежит к числу классификационных, однако с некоторыми отклонениями от классических образцов этого типа—«туранских» и «ганованских» систем родства: характерное отличие ее (это отличие свойственно, впрочем, многим тунгусско-монгольско-тюркско-финским системам родства) состоит в разделении каждого поколения на старшую и младшую ветви и в отождествлении младшей ветви старшего поколения со старшей ветвью смежного младшего поколения (скажем—младших дядей со старшими братьями, младших братьев со старшими племянниками); это есть то явление, которое иногда называют принципом «косого родства». Другим отступлением от типичного классификационного строя в родственной номенклатуре ульчей является наличие индивидуальных терминов—отец («ама), мать (энэ), муж (эди), жена (аси) (стр. 63—69).

Пытаясь восстановить историческую эволюцию брачных и родовых норм тунгусо-манчжурских народов на основании ульчской системы брака и родства, А. М. Золотарев намечает следующие этапы их развития:

1) Разделение общества на две экзогамные секции с матрилинейным счетом и матрилокальным браком. Брак разрешается с лицами любого поколения.

2) Вследствие перехода к патрилинейности складывается разделение на поколения внутри двух экзогамных родов. Лица старше меня отделяются от лиц моложе меня. Устанавливается кросс-кузенный брак и брак с племянницей.

3) Двухсекционная система отмирает. Возникает патрилинейный род» (стр. 73).

Эти выводы автора в основном, повидимому, правильны. Но тут необходима существенная оговорка. Намеченные А. М. Золотаревым этапы эволюции брачно-родовых отношений отвечают историческому развитию тунгусо-манчжурских народов в целом, подразумевая здесь и ту древнейшую эпоху этого развития, когда предки этих народов, вероятно, не были еще тунгусами. Но эта схема эволюции будет совершенно неверна, если относить ее к самим ульчам, как это делает местами автор. По его мнению, «ульчское общество» основывалось некогда на «экзогамных двухсекционных нормах» (стр. 58), «ульчская двухсекционная система была матрилинейной» (стр. 59) и т. п. Здесь автор допускает, несомненно, большую ошибку и впадает в противоречие с самим собой. Ведь ульчи, как показал убедительно сам А. М. Золотарев, представляют собой этническое новообразование, эта народность составила из обломков целого ряда народов и племен; этногенез ульчей—процесс едва ли глубокого прошлого. Когда же ульчи жили материнским правом и делились на две экзогамные секции? Каким образом могли быть сгруппированы в две секции те ульчские роды, из которых одни имели, как мы знаем, гильдякое и айнское, другие—гольдское, удегейское, тунгусское, третьи—монгольское и т. п. происхождение? Было бы правильнее сказать, что то основное ядро, из которого сформировалась, путем ассимиляции иноплеменных элементов, ульчская народность, сохранило в своем языке и обычаях ряд архаических черт, восходящих к эпохе матрилинейного двухсекционного (фратриального) общественного строя.

Нельзя согласиться с автором еще в одном его утверждении. Остановившись на причинах «индивидуализации терминов»—отец, мать, муж, жена,—он почему-то не удовлетворяется обычным и естественным объяснением этого явления как результата развития парной семьи (стр. 63). По его мнению, здесь нужно видеть косвенное действие того же принципа разделения каждого поколения на старшую и младшую ветви.

«В силу того, что старший брат отца относится к одному брачному классу, а младший брат отца—к другому брачному классу, отец естественно отделяется от них и требует особого термина. В силу того, что мой старший брат называется ага, а младший брат неу, термин «муж» относится лично ко мне...» (стр. 67). Это чрезвычайно искусственное и натянутое объяснение основано на игнорировании того хорошо известного факта, что индивидуальные термины «отец», «мать», «муж», «жена» существуют почти во всех языках и обычно не стоят ни в каком соотношении с делением поколений на старшую и младшую ветви. Впрочем, оставаясь даже в пределах ульчской системы родства, нетрудно убедиться в ошибочности предлагаемого автором объяснения: если «старший брат отца относится к одному брачному классу, а младший брат отца—к другому брачному классу», то мой отец попадает, по мысли А. М. Золотарева, в какой-то третий брачный класс, который состоит из него одного; точно так же и я сам, в отличие от своих старших и от своих младших братьев, составляю особый брачный класс, в который никто кроме меня не входит. Хороши «классы»! К этому надо прибавить, что и о каждом из моих старших и младших братьев, равно как и о каждом из старших и младших братьев отца можно сказать то же самое, ибо каждого из них кто-то зовет мужем или отцом. Иначе говоря, «брачных классов», с точки зрения автора, должно получиться столько, сколько людей!

Вторая половина книги занята описанием религиозных верований и обрядов ульчей. Здесь много нового и ценного материала, особенно в описании медвежьего ритуала (гл. 5). Автор пытается,—развивая мысли, высказывавшиеся прежними исследователями (Харузиным, Штернбергом и др.),—выяснить генезис культа медведя, его тотемическую, а может быть, и еще более древнюю, дорелигиозную основу («охотничье игрище»). Автор здесь во многом, повидимому, прав.

Очень интересна также глава о культе близнецов (гл. 6). По поводу происхождения этого культа А. М. Золотарев высказывает новую мысль, заслуживающую большого внимания. Он пытается установить связь между культом близнецов (ширко распространенным у очень многих народов) и той же первобытной дуальной (двухсекционной) организацией общества. «Когда первоначально единое племя, не знавшее никаких экзогамных запретов, разделилось на две половины, то в идеологии этот исторический поворот нашел наиболее адекватное отражение в культе близнецов» (стр. 148). Это новое объяснение близнецного культа, хотя пока что очень схематичное и оставляющее много неясностей,—повидимому, все же более приближает нас к пониманию этого интересного явления (особенно хорошо известного из античной мифологии), чем делавшиеся до сих пор в буржуазной литературе попытки объяснить его астральными или анимистическими представлениями.

Зато никак нельзя согласиться с автором, когда он пытается восстановить картину древнейших «дошаманистических» религиозных представлений ульчей. Эту древнейшую стадию религии он характеризует как «пантеизм», или, точнее, как «культ неба—воды—тайги» (стр. 85—87). Такая точка зрения возвращает нас к давно слывшим в научный архив построениям «мифологической» школы. Эти построения, господствовавшие до 1870-х, примерно, годов, никак не вяжутся с современным уровнем этнографической науки, которая раскрывает перед нами картину действительно примитивных религиозных верований—у австралийцев, бушменов, семангов и других наиболее отсталых народов земного шара: эти верования имеют очень мало общего с «пантеизмом». Ульчей, при всем архаизме сохранившихся у них черт общественного строя, никак нельзя причислить к «первобытному человечеству», и их верования в этом отношении не показательны. Да и у ульчей дело сводится в сущности, как признает сам А. М. Золотарев, к «родовым молениям о ниспослании охотничьей удачи» (стр. 91). Факты, приведенные в книге, вовсе не дают основания говорить о «пантеистическом культе трех начал» (стр. 85), и даже ссылка на Н. Я. Марра (там же) не поможет тут автору.

Книга заканчивается главой о фольклоре, где даны текстуальные записи образцов ульчских преданий и сказок. Эти образцы записаны автором по-ульчски с последующим дословным переводом на русский язык, и это делает их особенно ценными,

К числу недостатков книги надо отнести наличие некоторых непродуманных или просто неверных утверждений. Автор считает; например, «вероятным», что «погребение на деревьях» — представляет древнейшую форму погребений, тесно связанную со стадией матриархального рода» (стр. 41), хотя ему, конечно, хорошо известны характерные формы погребения у палеоазиатов (выбрасывание или сожжение трупа), известна и географическая ограниченность обычая воздушного погребения (зона тайги). Можно ли вообще так упрощенно связывать формы погребения с формами общественного строя?

Очень странно также утверждение автора, что «все эскимосские племена верят, что женское божество обитает на дне моря» и что имя этого женского божества — Седна (стр. 99). Автору должно быть хорошо известно, хотя бы из новой сводной работы Вейера (E. Weyer, *The Eskimos, Their environment and folkways*, 1932), что культ морской богини существует далеко не у всех эскимосских племен, а главным образом у центральных и гренландских эскимосов, самое же имя Седна распространено на еще более ограниченной территории — только на Баффиновой земле.

Оформлена книга неряшливо. В ней масса опечаток. Досадно, что не указано происхождение иллюстраций, часть которых заимствована из старых изданий (особенно из альбома Маака), а часть, очевидно, принадлежит самому автору.

При всех отмеченных недостатках общее впечатление от книги остается все же положительным.

С. Токаре

ПРОФ. Н. К. ГУДЗИЙ. *История древней русской литературы*, стр. 1—448. Учпедгиз, М., 1938.

Автор рецензируемой книги — один из лучших знатоков древней русской литературы, что заставляет нас отнестись к его книге с большим вниманием.

«История древней русской литературы» проф. Н. К. Гудзия имеет много положительных данных. Прежде всего следует отметить, что перед нами первый учебник истории древней русской литературы для высшей школы, составитель которого представляет большие трудности. Перед автором стояли такие задачи: отбор литературных памятников древней Руси, учет всего сделанного в науке за последнее время по вопросам древней русской литературы, а отсюда и соответствующее освежение всего учебного аппарата книги (комментарии, примечания, библиография и пр.). Но самая трудная задача заключалась в том, чтобы дать концепцию истории литературы, отвечающую принципам марксистско-ленинской методологии.

Отбор литературных памятников, подлежащих ведению историка древнерусской литературы, представляет одну из труднейших и до настоящего времени не разрешенных еще задач. Проф. Н. К. Гудзий подошел к этому вопросу со всей осторожностью серьезно-го ученого: понятие «литературный памятник» у него исторично, зависит от понимания литературы современниками, от отражения в них исторической действительности. Спорность отнесения того или иного памятника к памятникам именно литературным этими критериями не устраняется, но, как справедливо указывает автор, делается минимальной. В подавляющей массе приведенные автором литературные памятники почти бесспорно относятся к памятникам подлинно литературным, отразившим литературное развитие древней Руси. Исторический принцип в определении литературных памятников обнаруживается у автора в расположении литературного материала по конкретным историческим периодам развития древней Руси, с учетом развития и так называемых областных литератур.

Наряду с историческим принципом, которым оперирует автор при отборе литературных памятников, он неизбежно пользуется и специфическими особенностями, свойственными литературным памятникам той или иной эпохи, что отличает их от памятников в широком смысле — культурно-исторических, богословских, юридических и прочих.